

СЕРГЕЙ РАСПОПОВ
18+

МАРК

Сергей Распопов

Марк

«Издательские решения»

Распопов С.

Марк / С. Распопов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-0070-0478-7

«Марк» – книга о мучительном поиске себя и об эволюции личности. Главный герой начинает этот полный сомнений и препятствий путь амбициозным, тщеславным, мечтательным подростком, а заканчивает мудрым наставником, который объединяет учеников жаждой созидания и заряжает творческой энергией. Обрести себя герою помогают его пыливый ум, честность перед самим собой и осознание, что счастье кроется в смиренном труде и Любви.

ISBN 978-5-0070-0478-7

© Распопов С.
© Издательские решения

Марк

Сергей Распопов

Редактор Наталья Шевченко

Корректор Екатерина Рогова

© Сергей Распопов, 2026

ISBN 978-5-0070-0478-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Уверенный ритм в гулких ударах резинового мяча об асфальт баскетбольной площадки... стремительный шорох подошв кроссовок... глухой стук мяча о деревянный щит... лязг металлической сетки баскетбольной корзины... шёпот между мячом и сетью корзины в чистом попадании... утверждающее восклицание «Да!», вибрирующее в предельно натянутых нервах... апофеоз победы... – всё это музыка моей страсти к баскетболу...

В школе я успешно играю в футбол, настольный теннис, волейбол, шахматы, бегаю марафоны. Но жажду я лишь баскетбола. Причина, полагаю, в наборе очков: удовлетворение от попадания, трепет в ожидании после пущенного в полёт к корзине мяча – «Попадёт? Не попадёт?», бросковые трюки, вдохновенные решения, хитрые обыгрыши – часто, интенсивно, динамично, что обнаруживает мою сладострастную натуру, устремлённую к идеальному мгновению, в вечном покое которого я бы умиротворённо-созерцательно растворился.

Ещё в баскетболе меня занимает тайна судьбы: мне четырнадцать лет и мой рост сто шестьдесят пять сантиметров, тело, усердно поддерживаемое в спортивной форме, пикнического сложения; очевидно я не создан для баскетбола: мне не достичь среднего роста баскетболиста – двух метров. Знаю это от собственного же тела, с математической точностью анализирующего о несбыточности моих баскетбольных фантазий, где я – лучший игрок всех времён и племён, с лёгкостью парю над кольцом, восхищаю публику гениальнейшими трюками, с неумолимостью рока вколачиваю мячи в корзину... Тут обнаруживается моё тщеславие. А следом вырисовывается ещё тайна: действительность – лакмусовая бумажка подлинности жизни – в моём случае указывает на отсутствие физических данных, гениальности, призвания.

Я пытался уйти, отречься от баскетбола: «Желать невозможного – безумие», – говорят стоики. Но я желаю.

Я словно застрял в текстурах компьютерной игры, куда случайно завело неведение и любопытство; где хаотичные попытки выбраться в нормальный мир уводят дальше от него; откуда по одну сторону наблюдаешь обыденное течение жизни не замечающих тебя игроков, а по другую – зришь удручающее, серое, гладкое, равнодушное, бесконечное, безвременное пространство...

В игре можно перезагрузиться, написать в техническую поддержку, но жизнь не только игра, и то, что в ней не-игра, – главнейшее, которое нужно просто жить, – я это нутром чувю!

Я мню себя гением, но черта гениальности – естественность, простота, а я обожаю сложности и трудности. Мне бы Наставника, но я отвергаю любую помощь, как свидетельство моей слабости, ограниченности – слишком распространённых в человечестве качеств, то есть нормальных, однако мною во мне презираемых; я – раб, любящий свои надуманные оковы: они рассказывают сны о свободе от... о прекрасном мне, если бы...

«Если хотите высоко подняться, пользуйтесь собственными ногами! Не позволяйте нести себя, не садитесь на чужие плечи и головы! Ты сел на коня? Быстро мчишь теперь к своей цели

на вершине? Что ж, твоя хромая нога сидит вместе с тобой. Когда ты будешь у цели своей, когда спрыгнешь с коня, – именно на высоте ты споткнёшься», – говорит высший человек.

И я трепетно оберегаю свои оковы; усердно, тугодумно, своими силами взбираюсь на свою вершину, на своё место, покуда не упрусь в пределы, что распалют меня, пробуждают мои силы для преодоления невозможного; и для преодоления небесной тверди я, подобно Икару, изобрету себе крылья, чтобы приземлиться на Солнце – нет! я отращу их.

Где случится очередной предел? Во взрослой жизни, опутанной обязанностями? Или на баскетбольную площадку завтра придёт Гений и покажет недостижимый для меня уровень игры, с которого открывается путь в профессиональный баскетбол?

Хе-х, для меня это будет тропинкой. Я убеждён: нет пределов для честного, старательного, добросовестного, самоотверженного труда. Вот и ещё одна тайна – глас Честности, который я почему-то могу слышать, слушать, принимать, отвергать, из неведомого мне мира, где доблести сопутствуют друг с другом: честность – с мужеством, мужество – с рассудительностью, рассудительность – со справедливостью, справедливость – с гармонией...

В баскетболе главное – мяч в корзине, а ты ль его положил, сокомандник ли забросил, сверху вколотил или «из-под юбки» швырнул – второстепенно...»

Сомнамбулическое созерцание *мыслечувствований* Марка, привычно обыгрывавшего один на один высокого соседского юношу на дворовой баскетбольной площадке, прервало громкое, радостное, дружелюбное сообщение: «Привет! Я на победителя!», принадлежавшее высокому, чуть сутулившемуся белокурому красавцу спортивного телосложения с мягким взглядом ясных серых глаз.

– Я – всё, – пробурчал оппонент Марка и не прощаясь покинул баскетбольную площадку, куда, вызвав весёлую улыбку Марка, влетел, энергично разминаясь, новый соперник Марка и протянул ему для знакомства правую руку.

– Евгений.

– Марк.

Соперники крепко сжали ладони друг друга. Началась игра. Сперва они бросали мяч в корзину до первого промаха – промахнувшийся начинает в защите. Однако с двухочковой линии они не промахивались; перешли на трёхочковую; на середину площадки, откуда после нескольких попаданий Марк промазал.

Евгений бросал мяч легко, артистично, с весельем, Марк же вчувствовался в себя, в мяч, в кольцо, в площадку, улавливая момент единения его сущности с баскетбольным пространством, сигнализирующего о мгновении для *естественно-идеального* броска.

Игра скоро превратилась в особый вид борьбы, готовой вот-вот вспыхнуть дракой из-за любого явно-грубого нарушения; случайные же ошибки делали соперников агрессивнее, сумрачнее, упёртее, заикленнее на себе, затуманивая сознание воинственно-враждебными призраками, уводящими соперников с игровой площадки под гимны о крутости, величии, непобедимости, превосходстве – на поле боя с другими правилами, где победа достигалась подавлением врага, его подчинением грубой силе, принижением... На площадке царило злое, грозное молчание.

Вдруг Марк увидел игривый лёт ласточек на фоне ясного неба. «Хорошо у них... Люблю я всё-таки полёт!» – забрезжили желания и мысли в Марке, но тут же были прогнаны заслонившим небо обеспокоенным лицом Евгения. Марк мгновенно всё вспомнил: он прыгнул вместе с Евгением, чтобы выбить у него мяч; в определённый момент Марк перестал взлетать, Евгений же продолжил воспарять к корзине, и энергия массы его тела, приложенная к верхней точке тела Марка, опрокинула последнего. Самым унижительным, мучительным, оскорбительным в этом поражении был, по мнению Марка, до смеха глупый звук мяча, когда тот ударил

Марка по глазам, на долю секунды скрыв злобное лицо Евгения, а открыв уже освобождённое, расслабленное лицо с торжествующим, удовлетворённым взглядом победителя.

– Цел? – спросил Евгений и протянул руку, чтобы помочь Марку подняться.

– Цел, – скрывая волнение, ответил Марк, хватаясь за предложенную руку.

– Фу-у-у-ух. Вот я вспотел! На соревах так не выматываюсь. Думал, выйду почилю с пацанами. А тут за каждый миллиметр пришлось биться. Фу-у-у-у-ух. Ты за какую команду играешь? – примирительным тоном поинтересовался Евгений.

– Ни за какую. Я сам по себе, самоучка, – с ноткой гордости ответил Марк, польщённый признанием его силы. – Ещё будем?

– Не, у меня вечером трени.

– А ты за кого?

– За «Грифонов».

Марк изумился: «Грифоны» были чемпионами страны, и он мечтал играть за них. Марк уставился на Евгения. Они живут в разных мирах: Евгений – с блестящим будущим – в действительности; Марк же – в мечтах, надеждах, теориях, идеалах – в текстах.

– Кру-у-уто, – отстранённо протянул Марк.

– Ага. Я побежал. Пока.

– Счастливо.

Марк понуро плёлся домой в поисках ошибок, возможностей противодействовать игре Евгения, но всё сводилось к осознанию рокового предела, отталкивающего в бездну отчаяния.

«...тогда уж не тратить время и ресурсы попусту, направить их туда, где буду более успешным, где всё будет зависеть только от меня? – Марк с силой прижал мяч к бедру. – Стоп! Проходил: каждый раз после проигрыша в игре, в которой я сделал всё возможное, в которой не было допущено ошибок, в которой меня превзошли одарённостью, я встречаюсь с вызванным моей ограниченностью и бессилием отчаянием, устанавливающим предел моему будущему, сжимающим меня до ничтожества, до ничто. Таковы плоды поражения – горестные, обесценивающие, уничижающие, уничтожающие, но, подобно горькому лекарству, полезные: отрезвляют, позволяют узнать себя и своё место, возвращают в действительность, указывают дальнейший путь, обнаруживают наличие или отсутствие воли Жить!»

Марк выпрямился, уверенность и лёгкость наполнили тело, решительный взгляд прозревал нового себя, в уме мелькнуло соображение о шутке Судьбы, которая не потом, а сейчас явила гениального игрока в баскетбол со всеми вытекающими для Марка последствиями. Марк иронично ухмыльнулся: насмешка сохранилась и при рефлексии над своим падением в яму отчаяния – «От пустынной дворовой игры?!»; изумлённо вскинув брови, Марк отрицательно помотал головой над собственной слабостью, над неуловимой работой каких-то внутренних процессов, распутывая которые постфактум он дальше уходил в лабиринты сознания, держась за ниточку идеи собственного Я, чтобы, отыскав Его, вернуться Собой в мир.

Марк осознал: проиграй он всему миру, который скажет ему наставительным тоном: «Брось баскетбол. Не твоё», – всё равно придёт на площадку и будет играть.

Марк вдохновенно улыбнулся, постигнув истину: всё в мире живо, если Жив Человек.

На школьном дворе после уроков внимание Марка привлёк алый куст рябины среди деревьев с жёлтыми листьями. Марк с сияющими восхищением глазами и улыбкой шагнул ему навстречу.

Сойдя с асфальтовой дорожки на мягкий шуршащий ковёр из сухих воздушных листьев на подмёрзшей траве, Марк наполнился радостью. Сень деревьев обволакивала, будто заключала в объятия, притягивая к алому кусту рябины – сердцу рожицы, – алость которого по мере приближения насыщалась до невозможности, создавая впечатление, что кустик вот-вот пыхнёт; Марку почудилась тайна сказки; захотелось сказки. «Здравствуй», – тихо, дружелюбно

обратился к рябине Марк. Он желал сказать ей что-то очень-очень важное, заговорить на языке Истины – только на нём его услышат и ответят; после безуспешных, сладко-мучительных попыток поиска и рождения Слова Марк просто любовался рябиной. Затем пришли строки стихотворения Пушкина:

Осеня пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

Налюбовавшись, Марк сорвал алую ягоду рябины, к его удовольствию, она оказалась горько-сладкая, и пошёл домой.

В городе он с интересом принялся рассматривать окружающую действительность через призму формальной логики, фокус которой был сегодня настроен резюме «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна, случайно прочитанного Марком на перемене в одном из многочисленных пабликов для «интеллектуалов», на которые Марк подписывался, чтобы окружить себя смыслами высокого качества.

К логике Марк пришёл после полюбившихся «Нравственных писем» Сенеки; Марк алчно, с наслаждением проглатывал сентенции в духе «Истиной никто не завладел: сказанное хорошо – сказано для всех», переживая через них касание Мудрости, раскрывавшей ему свой мир, куда вход обусловлен изменением взгляда – с поверхностного на умный, справедливый, благожелательный, самоотверженный, созидательный, – научившей его, таким образом, что в человеке, подобно херувиму, множество глаз, следовательно, и миров, и поставившей этим Марка перед вопросами о сущности видения и о том, как видеть с такой тьмой зрений. Тут-то с Марком и случилась логика.

Зачислив себя в стоики, Марк томился духовной жаждой по судьбоносным подвигам, по воплощению доблестей и добродетелей, по общению с Целым... Но разделить её было не с кем, и Марк избрал в собеседники «старшего брата» – книгу Марка Аврелия «К самому себе», на форзаце которой была схема стоического учения: физика – чтобы знать, в каком мире живёшь, логика – чтобы верно познавать, этика – чтобы достойно жить.

«Науки мне преподают в школе. А чтобы достойно жить, нужно верно познавать. Очевидно, необходимо изучить логику», – рассудил Марк.

С той поры Марк изменился. Раньше ему нравился лишь тёплый алый цвет, теперь он любил, но иной частью души, небесно-голубой; на горизонте его мировоззрения брезжила пугающая своей маниакальностью потребность в кристальной чистоте, предельной ясности и строгом порядке. Это преобразование вкуса Марк объяснял себе инициацией через логические упражнения: прозревая логическую суть задачи до ясного понятийного видения, до ответа, Марк переполнялся наслаждением; лицо, с закрытыми глазами, обращалось к небу, тело вытягивалось в струнку, вибрируя в унисон Истине – чистой, ясной, гармоничной, умиротворяющей прохладной, самодовлеющей, подобной дневному лазурному небу и бездонной, как ночное.

«Мир есть всё то, что имеет место», – прошептал Марк первое суждение из резюме трактата Витгенштейна, восхищённый очевидной, простой, как гениальность, мыслью, и наложил её на окружающую действительность: торговый центр «Лапландия», мужчина с переполненным продуктами пакетом, женщина с коляской, школьники, банк «Капитал», микрозаймы

«За 5 сек», парочка влюблённых, добровольцы охранения городского порядка, здание «Государственные услуги», полицейские на машине местного производства, священник на машине бизнес-класса, национальные гвардейцы в тонированном фургоне, на дорогах автомобиля иностранного производства, алкомаркет «Отечественные напитки», парикмахерская «Шарм», салон цветов «Орхидея», ЗАГС, кинотеатр «Иллюзион», похоронное бюро «Память», кафе «Есть поесть», детский центр «Вундеркинд», охранное предприятие «Гранит»...

«То, что имеет место, – факт – есть совокупность позиций», – припомнил второе суждение Марк и занялся интуитивным прощупыванием позиции факта «торговый центр», в паузах сканируя в себе согласованность чувств, мыслей, интуиции с суждением: торговый центр – это пространство... где... горожане... или шире... люди... удовлетворяют... свои... потребности в еде, одежде, развлечении... прогулке... за... де... нежные средства... которые нужно добывать... деньги – тоже совокупность позиций... Интересно, когда факт становится позицией и позиция фактом?.. при смещении взгляда...

Концентрация Марка ослабла. С содроганием и улыбкой вспомнился платоновский диалог «Парменид», из которого Марк уяснил лишь, что всё есть что-то чего-то; с содроганием – потому что, пока Марк следил за мыслью беседы, с его умом была проделана изощрённейшая и труднейшая гимнастика, навсегда отпечатавшаяся в мышечной памяти мозга, словно посреди балетного представления Марка схватил балетмейстер и стал гнуть его тело, удерживать в сложнейших позициях, на которые, казалось, оно не было способно, однако теперь имело опыт иной жизни, отличной от формы обыденного существования, в коей «балет» представлялся вычурной бесполезностью, хотя из позиции «балеруна» являлся полнотой проживаемого потенциала своих способностей, превозмоганием или разрушением пределов, становлением сущностью иного измерения, переосмыслением тела сознанием, в итоге – наидействительнейшим миром; с улыбкой – потому что Марк отдавал себе отчёт в отсутствии необходимого образования, в ограниченности жизненного опыта, посему Марк играючи воображал себя странником, прибывшим в солнечную Грецию во времена Сократа и заставшим того за апологией, затем сладко спавшего перед казнью в тюрьме, потом беседующего с друзьями, с красавцем Алкивиадом, с широкоплечим олимпийцем по панкратиону, с почитателями, с насмешниками, с софистами... Марк вместе с ними смеялся, восхищался, удивлялся, радовался, возмущался, недоумевал, сосредотачивался, не понимал, старался понимать, ликовал...

Столкнувшись со своей ограниченностью в попытке мыслью объять бесконечность мира, дабы постигнуть его Истину, чтобы жить в согласии с ней, Марк обессиленно сник; однако интуиция по инерции продолжила ход и указала способ глядеть на мир созерцательно, одновременно как на поток и как на структуру, без нарочитых усилий осмысления, осознания, оценок: мир сам сообщит царствующую ныне Истину, необходимо лишь услышать, – в этом смотре-нии было что-то животное, естественное, полноценное; однако Марку надоело напрягать волю, поэтому он не отрефлектировал то жизнеутверждающее, что было в новом взгляде. И с нечистой совестью он поспешил к любимому суждению из «Логико-философского трактата».

«Логической картиной фактов служит мысль». «„Логическая картина“... – прекрасно!..» – Марк несколько минут смаковал эстетическую суть логики.

«Мысль есть наделённое смыслом суждение». От раскрытия места обитания мыслей и осознания тяги Марка к книгам, в которых больше, чем где-либо, он находит смыслы, по телу Марка разлилось наслаждение. Вдруг в сознании Марка сверкнуло озарение: мысль суть ограничивающее, граница разума. Это странно обеспокоило Марка. Тогда он прибегнул к авторитету стоической позиции: «Жить согласно Разуму – божественной части человеческой природы, устроенной разумно» – и обеспокоенность потонула в глубинах души Марка, но подозрительно неправдоподобно, по-роковому, так, что Марк некоторое время пристально вчувствовался в себя: не притаилась ли она в затенённом закоулке его сознания?

Однако ж чего он испугался? – Конечности, утраты любовно возводимого им Универсума, который завладел бы Истиной Жизни, что отражало ничтожество Марка, выраженное в воле к превосходству над себе подобными, следовательно, лицемерие, следовательно, Ложь, следовательно, трусость, следовательно, правду; тут-то и высунула дразнящий язык коварная обеспокоенность. «Точно ведь! Истиной никто не завладел», – со вздохом смирения подумал Марк и продолжил.

«То, о чём нельзя сказать, следует обойти молчанием», – припомнил Марк последнее суждение из резюме «Логико-философского трактата», забыв пятое и шестое, – с сомнением, ибо Марк считал, что ему под силу всё, особенно то, чего не могут другие.

Переступив порог квартиры, Марк направился в комнату бабушки, чтобы неприятное дело не мешало своей неопределённостью жить. Решительно схватив дверную ручку, Марк на тысячную долю секунды замешкался, но тут же собрался и толкнул дверь.

На угловом диване, полуразвалившись, держа в руке пульт от телевизора, транслирующего второсортный детективный сериал, посапывал старичок. С минуту Марк рассматривал бабушку, пытаясь осознать причину конфликтных, токсичных отношений между ними; в семье же должна царить Любовь – это каждый знает: этому с детства учат; в противном случае какой смысл в сожительстве? – и Марк искренне пытался исполнять правило любви в семье, проявляя покладистость и образцовое усердие в домашних делах, учёбе, опрятность и бережливость в личных вещах, лишь бы бабушка не беспокоилась; но бабушка вечно был недоволен, постоянно брюзжал без повода. Марк всматривался в морщинистое лицо с приплюснутым лбом, в крупный выбешивающий нос, в неестественно большие губы, в наглый подбородок, в умные, нагруженные кисти рук: «Наверное, он был хорошим специалистом на заводе», – подумалось Марку, – в обвисшую лишнюю кожу на этом иссыхающем тельце – и не находил в себе тёплых чувств к сему жалкому существу, поддерживающему своё жалкое существование грудой таблеток, разбросанных на журнальном столике возле дивана; существу, отвлекающему и усыпляющему своё сознание от проживания Жизни низкосортной информацией из телевизора. Омерзение передёрнуло Марка, следом он почувствовал отвращение к немощи, затем жалость к слабости, потом его наполнило презрение к ничтожности. «Неужели ничего светлого, радостного, тёплого, весёлого, нежного, ласкового, улыбочивого, умного нет и не было в наших отношениях?!» – усиленно вглядывался Марк в воспоминания, не веря, что люди из одной семьи могут жить под одной крышей и не сотворить друг для друга хотя бы случайной толики добра! Недовольство, подзатыльники, угрозы, насмешки, раздражение, угрозы, обвинения причитания угрозы возмущение подзатыльники угрозы... «Ни-че-го... породившее ничтояствующее Ничто в отношениях внука и бабушки: пустыню, тьму, холод, вакуум. Но ведь как-то мы сосуществуем! – не унимался Марк, поражённый найденным. – Как в животном царстве, строго по иерархической структуре. Но время вожака заканчивается, подступает твоё», – явилась циничная мысль. Марк ухмыльнулся и принялся будить бабушку:

– Бабушка... Деда... Дед.

Бабушка посмотрел на Марка левым глазом сквозь приоткрытую щёлочку век. По ясности взгляда было видно, что бабушка притворился спящим.

– Мы классом...

– Опять денег надо.

– Классная сказала...

– Мне плевать, кто что сказал. Кто мне она такая. Пенсия и так маленькая, а цены на всё растут. Нет у меня денег.

Бабушка закрыл глаз. Марк постоял в ожидании несколько секунд и вышел из комнаты, прикрыв дверь. Когда Марк заходил в свою комнату, услышал переключение каналов на телевизоре.

«Всё-таки необходимым минимумом для существования он обеспечивает», – стоически признавал Марк факт своей судьбы, стараясь быть благодарным, но благородное чувство не являлось. Выходили лицемерие, ложь, препятствовало сознание с неумолимостью закона, констатирующего факты: «Ему просто не хватает духа избавиться от тебя. Ты донашиваешь за ним вышедшую тридцать лет назад из моды нелепую одежду; это, конечно, практично и пустяк с философской точки зрения, но оторвано от реальности, из-за чего ты часто становишься среди одноклассников объектом смеха, оскорблений, шушуканий – правда, со спины, так как ты физически и умственно развит, поэтому можешь дать отпор и не дать списать контрольную; но из других параллелей те, что крупнее и задиристее, не стесняются обзывать тебя фриком и нищенкой. Твои аврелиевские сентенции в духе „Слова слышу, урона не вижу“ и „Сегодня мне предстоит встретиться с людьми глупыми, задиристыми, наглыми, завистливыми, заносчивыми, неуживчивыми – эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла...“ мало помогают, скорее дают зелёный свет к продолжению издевательств. Если бы...» Марк тряхнул головой, чтобы избавиться от глупых мыслей. Глубоко выдохнул. Скороговоркой проговорил пословицу: «Если бы да кабы да во рту росли грибы, это был бы не рот, а целый огород», взял с полки книгу Цицерона «О старости. О дружбе. Об обязанностях». С приветливой улыбкой и вызвавшей радость от компании Мудрости, всегда шествующей в сонме доблестей, раскрыл книгу.

Дедушка Марка тупо пялился в кинескоп телевизора, машинально нажимая засаленную кнопку переключения каналов телевизионного пульта, и разговаривал с фотографией на пыльной полке книжного шкафа, битком набитого классической литературой; на фото была счастливая молодая девушка в очаровательном свадебном наряде – её осиную талию осторожно обнимали сзади натруженные руки сильного молодого человека со снисходительной улыбкой на симпатичном лице, явно говорившей: «Понимаю. Женщинам это важно, нужно. Пусть».

– Вот, Мариночка, оставил же нам наш раздолбай внучка. А ведь я говорил: «Не нужно баловать. Ничего путного не получится». То и вышло. Нарыл себе какую-то без роду и племени. В грудь бил, крича про любовь навеки. А как наигрались в семью, любовь и сгинула – разбежались. Внучка нам с тобой, а их – ищи свищи. Ты ведь у меня умная, Мариночка, доктор наук, а такого маху дала. Знаю, знаю: очень уж любила – что того, что этого... А потом и ты меня оставила. Поганый рак, чтоб его... Чем только эти учёные занимаются, лучше б реальным делом занимались... Эх, Марина, Марина... Не такой жизни мы хотели с тобой... Одни расходы с этим оболтусом. А пенсию не повышают, только обещаниями кормят – мошенники. Цены за всё растут как на дрожжах...

Марк страстно читал главу о старости, блаженствуя в потоке ясных, светлых, прекрасных, совершенных и в этом живительном совершенстве неисчерпаемых мыслей пронизательного, широкого и решительного ума Марка Тулия Цицерона. «... Но старики, скажут мне, ворчливы, беспокойны, раздражительны и трудны в общении, а если приглядеться к ним, то и скупы. Это недостатки характера, а не старости. Впрочем, ворчливость и те недостатки, какие я назвал, ещё как-то заслуживают оправдания, не по всей справедливости, но такого, какое, по видимому, можно принять: старики думают, что ими пренебрегают, что на них смотрят сверху вниз, что над ними смеются; кроме того, по своему слабосилию, они болезненно воспринимают всякую обиду. Но все эти недостатки смягчаются добрыми нравами и привычками; это видно как в жизни, так и на сцене – на примере двух братьев из „Адельфов“: какая жестокость у одного и какая мягкость у другого! Дело обстоит так: как не всякое вино, так и не всякий нрав портится с возрастом. Строгость в старости я одобряю, но никак не жестокость. Что касается старческой скупости, то смысла в ней я не вижу: возможно ли что-нибудь более нелепое, чем требовать для себя на путевые расходы тем больше, чем меньше остаётся пути...»

– Марк, вот твоё место, вот корешок от билета. Только никуда отсюда не уходи. Понял? Когда представление кончится, сиди – жди нас. Хорошо? Вот и славно. Я правда уговаривала твоего дедушку купить билет в общем с одноклассниками рядом, но он отказался. Больше я ничего сделать не могла. Мой номер телефона знаешь, если что – звони, пиши. Ну-ка, класс, внимание, все слушаем меня! Спускаемся и ищем седьмой ряд! Ну-ка успокоились! Не устраиваем цирк. Ведём себя прилично, чтоб мне за вас не краснеть. Всё ясно?

– Но мы ведь в цирке.

– Умничать будете на контрольной. А теперь марш, пошли. Ну-ка цыц! Кому сказала! – командовала отстранённым дикторским голосом классная руководительница Марка.

Сгорая от стыда, Марк сел в кресло у выхода. Понурый, избегающий взглядов, он с силой сжал кулаки в карманах старомодных брюк, пытаясь сдержать слёзы оскорбления, позора, слабости; одновременно изумляясь реакции своего организма на пустячное, ожидаемое, почти привычное развитие событий в его жизни. Однако ком рыданий в горле нарастал, затрудняя дыхание, угрожал вот-вот прорваться всхлипом. Марк всерьёз, чтоб хотя бы не расплакаться, пытался совладать со своим организмом: напряг, окаменев, каждую мышцу и заклинал себя: «Не хныкать! Не хныкать! Кому сказал! Не хныкать! Бред! Я – не хочу реветь! Так почему?» – Марк больно ущипнул себя. Вспомнил стоическое упражнение и начал увещевать себя: «Спокойно, друг. Позволь эмоциям плыть своим ходом, не задерживай их, не концентрируйся на них, не препарируй. Видишь – уплыла. Теперь подними голову, видишь – никому до тебя нет дела: одни – озабочены поиском своего места... другие – поглощением попкорна, сладкой ваты, чипсов, газировки... третьи – погружены в реальность смартфонов: чатятся, записывают рилсы, фотографируют и фотографируются, проматывают шортсы, листают новости, с кем-то разговаривают... четвёртые – прихорашиваются и прихорашивают своих детёнышей... пятые – болтают и тупо глазуют... на манеже царит тишина... из-за кулис на тебя пристально глядят две чёрные бездны из-под клоунской маски, намалёванной на человеческом лице...» Внезапно Марк почувствовал нарастающую волну беспокойства из глубин. Марк мгновенно прервал зрительный контакт с клоуном: ещё чуть-чуть – и пришлось бы уставиться в этот взгляд «как баран на новые ворота». В этом было что-то примитивное, глупое, враждебное, что-то противоречащее его жизненной парадигме – Ум, Общение, Сотрудничество, Любовь... Однако жуткий взор клоуна оставил в Марке тревожный след; в памяти всплыли строчки Блока:

Есть дурной и хороший есть глаз
Только лучше б ничей не следил...

Марк решил исследовать этот жуткий взор. «По сути, пугает неизвестность. Свет разума обнаруживает химерические призраки во мраке невежества и рассеивает их вместе с тревогами», – думал Марк, воинственно глядя в две чёрные бездны, продолжавшие вглядываться в Марка; когда бездны преобразились под решительным, изучающим взором Марка в карие глаза под привычной маской клоуна, они заговорщицки подмигнули и скрылись за кулисами.

Погас свет. Через пять секунд заиграла весёлая музыка. Через три секунды с резким стереозвучием в центре манежа возник круг света от прожектора, внутри стоял высокий сухопарый клоун, подмигнувший Марку. Музыка притихла. Клоун воскликнул: «А вот и я!» Представление началось.

Миниатюра клоунов, дрессированные животные, миниатюра клоунов, акробатические трюки, пантомима, миниатюра клоунов, фокусы, жонглирование...

Марк смотрел и не понимал, почему большинство – ладно дети, но и взрослые – веселы, увлечены, рады, смеются, аплодируют, а он равнодушен, словно посторонний? Марк принялся сызнова вчувствоваться и вдумываться в происходящее, чтобы уловить его смысл, продираясь

через дрессуру животных и акробатов, через ловкость и иллюзии фокусов, через примитивные шутки клоунов и реакцию на оные взрослых, – напрасно. Возникло явственное ощущение, что он отрезан от мира людей. «Чем? Кем?» Марк понял причину отрезанности от людей: так бывает, когда вместо проживания жизни ты осознаёшь её и этим выносишь себя за скобки, в неизвестность. Человек – как разумный, как личность, как социальное существо, как адресат, как субъект, как объект – это не человек, лишь его структуры. Марк попробовал отключить сознание и плыть по течению, окунуться в атмосферу циркового представления. Но жить со всеми не вышло: Марк с усиливающимся отвращением чувствовал самопредательство. Он вернулся к прежнему себе, презрительно фыркнул на осуществлённое путешествие, захотелось сплюнуть гадость.

В центре манежа стоял гигантский тонкий прямоугольник, покрытый фиолетовой тканью, – возле паясничал подмигнувший Марку клоун:

– Дамы и господа! Миссисы и мистеры! Леди и джентльмены! – Клоун поднёс ко лбу ладонь козырьком и оглядел публику. – Других не вижу здесь. И мои маленькие ангелочки, – с доброй улыбкой обратился он к весёлому мальчугану. – Свершилось! Отныне и вовеки мир наш изменится! Что? К лучшему или худшему? Всё, как всегда, мои вы венцы эволюции, зависят от вас. Но несомненно одно! Нас почтил своим присутствием наш бог!

Клоун указал рукой на прямоугольник, с которого в ту же секунду спало покрывало, обнажив чёрный монолит, как в фильме «Космическая одиссея» Стенли Кубрика. Дети ахнули, взрослые недоумённо переглянулись со знакомыми. Выждав паузу, клоун продолжил:

– Почтенная публика, позвольте развеять ваше недоумение и доказать, что мы действительно служители нашего бога, и наиглавнейшее тут – что я не свихнулся. «Не то, чтоб разумом моим я дорожил; не то, чтоб с ним расстаться был не рад. Да вот беда: сойди с ума, и страшен будешь как чума, как раз тебя запрут, посадят на цепь дурака...» Ну и так далее – по списку. Посему вынужден приводить «достаточные основания», не слишком умные, а так, в виде очевидностей, чтоб каждому... – клоун взял короткую паузу и с подозрением оглядел зрителей, – ...было понятно, что я свой в доску.

Клоун сунул правую руку в карман своих шаровар, пошарил, изобразил озадаченность. Сунул левую руку в левый карман, пошарил, изобразил озадаченность. Вдруг он интенсивно, резкими движениями стал шарить в обоих карманах. С комичным выражением печали клоун уставился на зрителей и вывернул пустые карманы. На лицах зрителей зарябила вялая улыбка. Клоун в негодовании подскочил на месте:

– Да где эта треклятая очевидность?!

Из шаровар выпал смартфон. Клоун радостно поднял его, осторожно сдул пылинки, поцеловал, ласково погладил, любовно прижал к сердцу; несколько раз вводил длинные сложные пароли, а когда ввёл простой – «1, 2, 3, 4, 5» – пароль, принялся листать шортсы, хихикать над ними, приставать к зрителям, чтобы они посмотрели на милых котиков, забавные случаи, шокирующие события, глупые поступки, остроумные комментарии, цитаты мудрецов, сгенерированный нейросетью абсурд... – всё это приправляя шуточками, гримасами, призывами купить курс... Наконец клоун воскликнул: «Хватит!» и пошёл на манеж; на полпути он снова уткнулся в экран смартфона и хихикал, пока не врезался в монолит.

Словно очнувшись в незнакомом месте, клоун воскликнул:

– Вот те на! Где это я? – Заметив зрителей: – А вы что тут делаете? И кто такие? Расскажите, будьте любезны.

– Смотрим, – раздался детский голос.

– Мы в кафе! Неси лобстеров! – раздался мужской голос.

– И роллы! – взвизгнул женский.

– А лучше выпить. – После этой просьбы в цирке грянул гогот.

Клоун с внимательно-презрительным взглядом выждал, когда стихнут хамские выкрикивания с бестиальными предложениями, затем продолжил:

– Цирк, кафе, икра, роллы, курорты, круизы... Всё страньше и страньше... Ах да! Вспомнил! – Клоун воодушевлённо подпрыгнул на месте; ткнул в зрителей смартфоном. – Вот символ нашего бога – бога технологий! Без лишних слов представляю вашему ротозейс... тьфу, вниманию его дар! Зрите, трепещите, падайте ниц!

Клоун театральным жестом указал на монолит, из тьмы которого на сцену шагнул аляповатый робот размером с монолит. По амфитеатру прокатилась волна удивлённых возгласов. В следующее мгновение публика уже фотографировала и записывала видео на свои смартфоны. На лице клоуна сияла насмешливая улыбка. Марк содрогнулся от дикости мерзкой толпы; с презрением о них и отчаянием о себе он решил: «Я чужд им онтологически».

Марк посмотрел на клоуна. Клоун вновь подмигнул ему – в этот раз по-доброму, как своему.

Робот забавно прохаживался по манежу, приветствуя зрителей. Наконец робот остановился, его грудь раскрылась, обнаружив кабину пилота, где сидел низенький полненький клоун, который, озираясь, бормотал:

– Ладно хоть кабина открылась; страх как боялся застрять тут на веки вечные. И куда на этот раз меня занесло?

Клоун на манеже радостно воскликнул:

– Биба!

– Боба! Я не знаю, как выбраться! Помоги!

– А как ты забрался?

– По лестнице.

– Где она?

– Я нажал на какую-то кнопку, и она исчезла.

– Нажми какую-нибудь кнопку, чтоб она появилась.

– Гениально, Боба!

Биба нажимает все кнопки подряд. Боба суетливо бегаёт возле робота. Из кабины начинает опускаться верёвочная лестница. Боба кричит Бибе о появившейся лестнице, но, когда тот оборачивается, лестница заезжает обратно. Дети смеются. Наконец лестница спущена, и Биба сходит на арену. Веселясь, клоуны обнимаются по-братски.

– Слушай, Боба, – заговорщицки начал Биба, – мне строго-настрого запретили брать робота.

– Зачем же ты его взял?

– Не удержался, любопытно, соблазнительно, – с ужимками стал оправдываться Биба. – В конце концов, это робот, а я мальчик: какой уважающий себя мальчик упустит шанс поуправлять роботом?

– Твоя правда.

– Опять мне головомойку устроят – не люблю я её! Боба, молю, придумай что-нибудь, ты ведь умный – самый-пресамый.

– Твоя правда. – Боба прохаживается по манежу и деловито рассуждает: – Посадим туда другого мальчика, есть у меня на примете парочка.

– Ты гений, Боба!

– Твоя правда. Вот что скажи: в роботе безопасно?

– Абсолютно. Я тысячу раз в нём падал – и на мне ни царапины, как новенький.

– Отлично. Тогда приступим.

Боба осматривает зрителей, по которым блуждает световой круг прожектора. Дети вытягивают вверх руки с криками: «Меня! Меня! Я хочу! Мама, пусть выберут меня!» Прожектор остановился на Марке. Марк растерялся.

– Мальчик, хочешь покататься на работе? Это увлекательно, безопасно и совершенно бесплатно! – с игриво-коварной интонацией заговорил Биба.

– Не трусь, спускайся! – вставил Боба.

С туманом в голове, отягощённый доказательством, что «не трусь», Марк спустился к роботу, искоса бросив по пути взгляд на классную руководительницу, усмиряющую «хулиганов».

Боба подвёл Марка к верёвочной лестнице, надел на него страховочную систему, снятую с Бибы, надёжно зафиксировал её на страховочном тросе вдоль лестницы и с доброй отеческой интонацией шепнул Марку:

– Не бойся, это безопасно: иначе нам не дали б лицензии. Поднимешься. На кресле пилота лежит шлем; как для игр в виртуальной реальности. Играл? Славно. Наденешь его. С тобой свяжется наш оператор. Он будет руководить. Понял?

Марк кивнул. Лестница с Марком поднялась.

Марк твердил про себя сказанный Бобой алгоритм действий. Когда Марк надел шлем, не обращая внимания на светящиеся разноцветные панели и лампочки кабины, раздался твёрдый, чёткий мужской голос оператора:

– Приветствую, я Пётр, оператор. Тебя как зовут?

– Марк.

– Отлично, Марк. Погружался в виртуальные миры?

– Да.

– Отлично. Управление роботом похоже на симуляторы. Ответь, ты пристегнулся?

– Да.

– Молодец. Ещё раз оттяни от себя ремни безопасности. Ничего не болтается?

– Ничего не болтается.

– Отлично. Тебе удобно? Провода не мешают?

– Нет.

– Отлично. Поехали.

Робот задрожал, загудел. Шлем транслировал 360-градусное изображение с наружных камер. Марк видел каких-то букашек. Он догадывался, что это люди; однако они так смиренно сидели на своих посадочных местах и так тупо главели в его сторону, что возник соблазн щёлкнуть одну-другую букашку и посмотреть, что будет. Это, казалось, чуждое – ибо прежде неведомое Марку – желание шокировало его глупостью, нелепостью и усиливающимся любопытством, призывающим к действию. Марк потрянул головой, прогоняя глупости. Публика насторожилась. Марк поднял руки робота перед собой и пошевелил ими, проверяя время отклика – мгновенно. Марк осторожно шагнул; потом ещё. Приятное чувство от управления послушным механизмом разожгло интерес; на лице Марка сияла восторженная улыбка ребёнка. Марк уверенно прошёл по манежу, где от него с наигранной паникой разбежались клоуны. Голос оператора хвалил, подбадривал, удивлялся его способности управлять роботом.

– Отлично, Марк. Останавливаемся. Нужно дать другим покататься. Сейчас откроется кабина. Отстегни ремень. Пристегни к страховочному тросу карабин на твоей страховочной системе и аккуратно спускайся по лестнице. Приятно было сотрудничать. Пока.

– Спасибо. Мне тоже. До свидания.

Марк продирался к своему месту сквозь сотни разглядывающих его взоров; кто-то обращался к нему, он что-то любезно отвечал, идиотски улыбаясь; с вытаращенными глазами на бледном от страха лице обвиняюще смотрела классная руководительница – Марк старался не обращать на всё это внимания, пытаясь удерживать его фокус на внутренних событиях. Пережитый опыт управления роботом погрузил Марка в странное, интересное состояние: душа трепетала перед неведомым миром; слава первопроходца щекотала эго; проживание молниеносной скорости обработки мозгом новой информации посредством конструирования ассо-

циативных связей и мгновенное возведение абстракций для достижения и воплощения цели знакомило Марка с собственными возможностями; подвешенное состояние во тьме неизвестности требовало мужества, сил парить, умения прозревать, внутреннего тепла, даже огня, ибо метафизическая мерзлота одиночества покрывала душу коркой льда, требовало Воли и ставить на кон Жизнь; волны сомнений захлёстывали и норовили опрокинуть лодку решений; наивная послушность безопасному голосу оператора оскорбляла самостоятельность; соблазн перешёлкать пальцем букашек обнаружил в Марке бездну разрушительных желаний, прорывающихся к воплощению под знаменем свободы, приветствуемых сладострастным садизмом; возможности технологий осуществлять на свой лад мечты, фантазии, прихоти, выдумки, капризы – например, баскетбол роботов, где любой может воспарять над кольцом и вколачивать мячи сверху, – вдохновляли, склоняли довериться им, уверовать в них, служить им, славословить, поставить во главу человеческой жизни: технологии совершают экономический рост, выигрывают войны, освобождают человека от тяжёлого, опасного труда, одаряют слепых зрением, безногих – ногами, безруких – руками, слабых – силой, лечат, развлекают, спасают, даруют надежды, а значит, и будущее, устанавливают равенство и свободу, как в известной фразе «Бог создал людей. Кольт сделал их равными».

На манеже робот беспомощно барахтался на полу, стараясь подняться. Публика, подогреваемая клоунами, покатывалась со смеху.

«Но что за рыдающая тоска? – как загипнотизированный, продолжал рефлексировать Марк. – Словно утрачиваю бога с его райски-адскими воздаяниями. Значит, так расстаются с детством? Прощаются с наивными надеждами, что некто всегда, подобно родителю, спасёт от угроз, восстановит справедливость, погладит по головке за правильные поступки, благополучно устроит жизнь, в которой нет надобности учиться, работать на износ, воевать за своё место, ведь оно не здесь – в школе, в квартире бабушки, в цирке, в стране, на Земле, а где-то там – там твой дом, там твои Родные, там ожидает...» Прогремел взрыв хохота. Марк рассеянно поглядел на публику. «Что же – пот, кровь, слёзы?.. Тотально... тотально одинок человек, до безумия! Стоп, вру, это я...»

Марк почувствовал мягкое ритмичное похлопывание по плечу. Ему добродушно улыбались ясные приветливые голубые глаза в обрамлении солнечных веснушек и красивой бороды медного цвета на полном лице; когда взгляд Марка сфокусировался на действительности, различая конкретные признаки вещей, перед ним возник облик стареющего ухоженного тридцатипятилетнего шатена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.